

UDC 94

Problematic Aspects in Studying the Battle of the 28 Panfilov Division Soldiers

Sergej I. Belov

Sholokhov Moscow State University for Humanities, Russian Federation
Verhnjaja Radishhevskaja Street 16-18, Moscow, 105203
PhD. (History), Senior Lecturer
E-mail: belov2006s@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to study problematic aspects in the topic concerning the battle of the 28 Panfilov Division soldiers. It considers the main discussion points in the study of this problem, reveals and examines argumentation given for different viewpoints on this problem. The question of representativeness of the archive documents known to scientists is highlighted. The article also examines the extent of objectivity and credibility of the materials produced by the 1948 investigation on the matter.

Keywords: 28 Panfilov Division soldiers; the 1948 investigation; Main Military Procuracy; sources; objectivity; credibility.

Введение. Бой 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково является одним из основных эпизодов Великой Отечественной войны в массовом сознании россиян, играя роль символа, отражающего саму суть наиболее масштабного военного конфликта в истории России. И в тоже время на протяжении последних 25 лет судьба 28 бойцов 316-й дивизии являются предметом для дискуссии, как среди профессиональных историков, так и внутри широких народных масс. Последнее связано с распространением в современном российском обществе таких феноменов, как фальсификация и политизация истории. Солдаты панфиловской дивизии, выступая в качестве одного из символов социальной памяти, еще в период «перестройки» превратились в один из основных объектов кампании «демифологизации» российской истории [1; 2; 3; 4]. Тема попала в центр внимания как представителей правых и либеральных кругов, так и их оппонентов с левого фланга спектра политических сил. Первые взяли на вооружения доводы исследователей, придерживающихся мнения о фабрикации подвига бойцов В.Г. Клочкова, используя их в качестве обоснования критики всего советского строя. Вторые, напротив, отстаивали подлинность официальной версии развития событий, пытаясь доказать моральную нечистоплотность своих противников и преимущества социалистической модели общественно-политического устройства. При этом отличительной чертой полемики вокруг темы практически изначально стало не критичное отношение представителей всех точек зрения, как к собственным аргументам, так и к доводам оппонентов [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

В результате на сегодняшний день наши знания о бое у разъезда Дубосеково по-прежнему изобилуют множеством пробелов и дискуссионных моментов, что прямо указывает на необходимость дальнейших изысканий в данном направлении. Наиболее значимыми проблемными аспектами темы являются: во-первых, вопрос о репрезентативности документов Центрального архива Министерства обороны (далее – ЦАМО) как источника сведений по истории боя 28 панфиловцев; во-вторых, оценка достоверности и объективности сведений и выводов, содержащихся в справке-докладе «О 28 панфиловцах» Главного военного прокурора Вооруженных Сил СССР Н.П. Афанасьева от 10 мая 1948 г. и сопроводительного письма к ней от 11 июня 1948 г. на имя А.А. Жданова.

Материалы и методы. В роли основных источников при написании данного исследования выступили документы соединений Западного фронта, хранящиеся в ЦАМО, материалы фонда прокуратуры СССР, размещенного в Государственном архиве Российской Федерации, а также единицы хранения, помещенные в личный фонд А.А. Жданова (место расположения – Российский государственный архив социально-политической истории). Часть использованных в статье сведений была почерпнута в материалах периодической печати эпохи Великой Отечественной войны, а также научной литературе, напрямую или косвенно затрагивающей заявленную тему. Методологическую базу представленного исследования составили два компонента. В роли первого выступает совокупность концепций, разработанных отечественными источниковедами в отношении критики делопроизводственных документов, в качестве второго – комплекс общенаучных и специальных методов (анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, системный и историко-сравнительный методы).

Обсуждение. Работа с обнаруженными источниками привела нас к следующим результатам. Было установлено, что в сводках разведуправления Генштаба Красной Армии за 1941 г. имеются упоминания о масштабных боях местного значения, однако в их составе нельзя обнаружить документы за интересующий нас период. Сразу же вслед за разведсводкой № 87 / 661461 за 8 сентября 1941 г. в соответствующем архивном деле следует сводка № 141 за 21 ноября того же года [12, д. 200, л. 120–129].

В оперативном очерке военно-исторического отдела Генерального штаба Красной Армии «Разгром немцев под Москвой» бой у Дубосеково не упоминается вовсе [13, д. 89, л. 22, 23]. Боевые приказы,

распоряжения и донесения штаба Западного фронта, сохранившиеся в фонде Полевого Управления Западного фронта, также не содержат в себе документов, которые освещали бы бои 16–17 ноября 1941 г. [14, д. 26]

В оперативном обзоре действий войск Западного фронта «Разгром немцев под Москвой» за ноябрь 1941–февраль 1942 гг. бой под Дубосеково не был упомянут, как, впрочем, и иные боестолкновения местного значения, сомнений в реальности которых не существует [Там же, д. 1039, л. 18]. В данном случае следует особо подчеркнуть, что данный обзор был составлен штабом Западного фронта в конце 1941–начале 1942 гг. «на основании имевшихся в его распоряжении документальных данных» (что предполагает возможность наличия лакун в источниковой базе исследования). Отчасти это подтверждают сами авторы документа, подчеркивающие, что «данный материал является лишь основой для дальнейших разработок и изучения этого вопроса» [14, д. 1039, л.2].

В журнале боевых действий Оперативного отдела штаба Западного фронта за ноябрь 1941 г. бой у Дубосеково также не упоминается, хотя имеет место описание ожесточенных боев на участке 316-й дивизии [Там же, д. 218, л. 104, 105]. При этом в отношении информационной полноты и объективности источника необходимо указать, что журнал был составлен на основании не только оперативных и разведывательных сводок, которые, как было упомянуто выше, в отдельных случаях отличает неполнота, но и публикаций газеты «Правда», зачастую идеологизированных [Там же, д. 218, л. 13, 18, 25, 34, 40, 41, 43, 46, 54, 61, 66, 73, 81, 96, 104, 105].

Документы, косвенно подтверждающие большую часть фактов, составляющих официальную версию развития событий (в их числе – оперативная сводка № 50, направленная из 16-й армии в штаб Западного фронта) были обнаружены К. Дроздовым. Однако конкретно топоним «Дубосеково» и номер части, равно как и фамилии командиров подразделений уровня полка – роты, в тексте не упоминались [11, с. 13].

Г.А. Куманев упоминает, что им были обнаружены документы ЦАМО, подтверждающие реальность подвига 28 панфиловцев, однако, к сожалению, не дает ссылок, которые могли бы позволить проверить это утверждение [8, с. 139].

В целом оценивая состояние документов, которые потенциально могли бы выступить в роли источников информации по рассматриваемой теме, следует помнить, что уже в период битвы за Москву было принято решение о ликвидации значительной части документов Западного фронта. Так, 30 декабря 1941 г. была сожжена 71 оперативная сводка штаба Западного фронта [14, д. 1073, л. 2]. Впоследствии процесс уничтожения документов продолжился. 8 марта 1942 г. была уничтожена значительная часть копий разведывательных бюллетеней Западного фронта за 1941 г. [14, д. 1073, л. 34, 35] 11 марта 1941 г. в пепел были обращены 24 оперативных сводки штаба Западного фронта, 11 сводок штаба ВВС указанного фронта, 14 разведсводок штаба, 10 разведсводок Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, 17 радиосводок. В «Ведомости уничтоженных Оперсводок штаба Западного фронта» от 7 апреля 1942 г. также указывается факт уничтожения штабом 16-й армии сводок № 284 и 285 за 1941 г., в которых, как уже было указано выше, нашли отражения события 16 ноября [Там же, л. 63, 66].

Принципиально важно подчеркнуть, что чаще всего речь шла не об уничтожении лишних копий, а о сожжении оригиналов, которые в итоге оказались безвозвратно утрачены. 20 марта 1942 г. начальник общей части полуправления Западного фронта Родионочев прямо заявил в ответ на запрос начальника секретной части Оперативного отдела штаба фронта, что не может предоставить ему оперативные сводки за последние три месяца, так как все они уничтожаются путем сожжения [Там же, л. 57].

Важно упомянуть и о том, что в период войны ряд документов, включая секретные и совершенно секретные материалы, был утрачен по неизвестным причинам. Например, в ходе работы комиссии Оперативного отдела штаба Западного фронта в период 9–18 марта 1942 г. был установлен факт пропажи 10 подобных документов [Там же, л. 182, 183]. Позволяют предположить возможность утраты и порчи документов и материалы последующих проверок. Члены комиссии, возглавляемой полковником И.Т. Поддубновым, отмечали в декабре 1942 г., что подшивка бумаг затягивается на долгое время, ставя под угрозу их сохранность и затрудняя учет [Там же, л. 178, 179]. В подобных условиях вполне возможным могло оказаться перемещение материалов, содержащих в себе сведения относительно боя у Дубосеково, в дела и фонды, не имеющие непосредственного отношения к боям на Западном фронте в ноябре 1941 г.

Таким образом, мы приходим к выводу, что документы, хранящиеся в ЦАМО и тематически имеющие отношение к событиям 16-го ноября на участке обороны 316-й дивизии, отличает высокая степень лакунарности, а степень объективности и достоверности содержащихся в них сведений может быть поставлена под сомнение. Часть документов была потеряна или утрачена, в том числе – безвозвратно, или же могла быть размещена в делах, тематически не связанных напрямую с ходом боевых действий в Волоколамском районе осенью 1941 г. Очевидной становится необходимость более тщательных изысканий в фондах ЦАМО, а также поиска иных источников по проблеме, в том числе – с целью проведения перекрестной проверки с материалами, отложившимися в архиве военного ведомства.

Все это заставляет усомниться в утверждениях об отсутствии в архивах Минобороны сведений, подтверждающих подвиг 28 панфиловцев, создавая брешь в аргументации специалистов, придерживающихся мнения о фальсификации истории боя под Дубосеково А.Ю. Кривицким. Подобные выводы закономерно придают особое значение вопросу о достоверности и объективности сведений и

выводов, содержащихся в материалах справки-доклада «О 28 панфиловцах» и сопроводительного письма к ней на имя А.А. Жданова.

Ближайшее знакомство с данными документами позволяет заключить, что при работе с материалами дела представители следствия проявили, по меньшей мере, профессиональную некомпетентность. Так, сначала в письме утверждается, что И.Е. Добробабин «сдался немцам в плен» [15, д. 4041, т. III, л. 306]. В справке-докладе изначально утверждается то же, причем автор подчеркивает, что обвиняемый совершил данный поступок добровольно. Однако уже через несколько страниц Н.П. Афанасьев пишет следующее: «Допросом Добробабина установлено, что в районе Дубосеково он действительно был, был легко ранен и пленен немцами, но никаких подвигов не совершал» [Там же, л. 306, 310, 313, 314]. Таким образом, возникает противоречие, которое следствие никоим образом не разрешает. Внести ясность могли бы любые фактические или логические аргументы в пользу одной из версий пленения И.Е. Добробабина, однако работник прокуратуры их не приводит. В результате на страницах одного документа сосуществуют две равноправные, но полностью противоположные версии развития событий.

При этом имеются доказательства в пользу того, что правдивой в данном случае является именно версия И.Е. Добробабина. В заключении № 327лсс государственного советника юстиции 1-го класса Г. Сафонова от 15 декабря 1951 г. на имя председателя Верховного Совета СССР Н.М. Шверника указывается, что писателю Л. Жарикову (автору книги, посвященной подвигу 28 панфиловцев) еще в 1943 г. было известно, что И.Е. Добробабин попал в плен, а не погиб. Прокурор использует именно термин «попасть в плен», не предполагающий добровольной сдачи противнику, и не выдвигает обвинений в переходе на сторону противника. При этом, что особо важно подчеркнуть, Г. Сафонов настаивал на том, что И. Е. Добробабин «осужден правильно и подлежит лишению звания Героя Советского Союза» [Там же, д. 4045, т. VII, л. 204, 205].

Затем Н.П. Афанасьев утверждает, что «впервые сообщение о бое гвардейцев дивизии Панфилова появилось в газете "Красная звезда" 27 ноября 1941 года», в очерке фронтового корреспондента В.И. Коротеева, который послужил впоследствии основой для двух статей литературного секретаря «Красной звезды» А. Ю. Кривицкого [Там же, д. 4041, т. III, л. 314]. Однако это является явной ошибкой: впервые бой у разъезда Дубосеково был освещен на страницах печати уже 19 ноября 1941 г., в статье корреспондента газеты «Известия» Г. Иванова. Идентифицировать описываемый в данной публикации бой позволяют как мелкие детали сражения, так и упоминание, что сражавшиеся с оккупантами солдаты принадлежали к 1075-му полку. Единственным серьезным расхождением с господствовавшей впоследствии версией развития событий у разъезда Дубосеково является датировка боестолкновения – в статье оно привязано к 18 ноября, в то время как все прочие источники относят бой к 16-му числу. Однако единственное расхождение на фоне множества совпадений позволяет все же утверждать, что в данном случае мы имеем дело с незначительной ошибкой в датировке, а не с описанием двух разных событий [16]. Вполне возможно, что имела место и более ранняя публикация. Начальник штаба 1075-го полка А.А. Ветков вспоминал впоследствии, что комиссар части А.Л. Мухамедьяров написал о подвиге 28 статью в дивизионную газету «За Родину», подчеркивая, что А. Ю. Кривицкий впоследствии ознакомился с этой публикацией [10, с. 9].

После этого Н.П. Афанасьев утверждает, что «все очерки и рассказы, стихи и поэмы о 28 панфиловцах, появившиеся в печати позднее, написаны или Кривицким, или при его участии и в различных вариантах повторяют его очерк "О 28 павших героях"» [15, д. 4041, т. III, л. 314]. Однако выше мы уже ссылались на результаты расследования прокуратуры, в соответствии с которыми писателю Л. Жарикову еще в 1943 г. было известно, что И.Е. Добробабин не погиб, а попал в плен, вопреки информации А.Ю. Кривицкого. Логично предположить, что советские авторы располагали также иными источниками информации относительно событий у Дубосеково. Не следует забывать и о том, что стенограмма беседы с И.Р. Васильевым – непосредственным участником боя – была составлена 22 декабря 1942 г., а Г.М. Шемякин направил свою биографию Комиссию по истории Великой Отечественной войны еще ранее, 24 октября 1942 г. [10, с. 8, 9]

Далее в материалах справки-доклада встречается отсылка к результатам расследования обстоятельств боя у Дубосеково, проведенного Военной прокуратурой Калининского фронта и 4-м отделом Главного Политического Управления Красной Армии в августе 1942 г. в отношении выживших панфиловцев И.Р. Васильева, Г.М. Шемякина, И.Д. Шадрина и Д.А. Кужебергена. Н.П. Афанасьев приводит следующие выводы, сделанные по итогам расследования: «О подвиге 28 ни в ходе боев, ни непосредственно после боя никто не знал, и среди масс они не популяризировались. Легенда о героически сражавшихся и погибших 28 героях началась статьей О. Огнева ("Казахстанская правда" от 2.4.42 г.), а затем статьями Кривицкого и других» [15, д. 4041, т. III, л. 315].

В данном случае мы имеем дело с целым рядом фактических ошибок. Во-первых, в августе 1942 г. прокуратура никак не могла проводить проверку в отношении И.Д. Шадрина, т. к. последний в это время еще находился в немецком лагере для военнопленных [11, с. 15]. Во-вторых, как уже было доказано выше, бой у разъезда Дубосеково был впервые освещен на страницах печати еще в ноябре 1941 г. В-третьих, передовая статья А.Ю. Кривицкого «Завещание 28 павших героев» была опубликована в номере «Красной звезды» от 28 ноября 1941 г. [17] Таким образом, она никак не могла выйти вслед за статьей О. Огнева, датированной апрелем 1942 г. В-четвертых, утверждение о том, что «о подвиге 28 ни в ходе

боев, ни непосредственно после боя никто не знал...» не соответствует действительности. Бой упоминается в записанных в период 1942–1947 гг. сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны стенограммах бесед не только с выжившими участниками боя у Дубосеково, но и прочих солдат и офицеров 316-й дивизии. В пользу реальности сражения и количества его участников с советской стороны свидетельствуют начальник штаба 1075-го полка А.А. Ветков, комиссар 1075-го полка А.Л. Мухамедьяров, командир 3-го батальона 1073-го полка Б. Джетнысбаев, командир батальона 1073-го полка А.А. Суханов и еще целый ряд непосредственных участников боев 16 ноября 1941 г. [10, с. 9 – 11] Интересно отметить, что А.А. Ветков привел и объяснение того, почему подвиг 28-ми в дивизии долгое время не популяризировался: «У нас никто значения этому (бою у Дубосеково – С. Б.) не придавал. Может быть, неправильно, считали эпизодом, которых было много. ...Этот день 16 ноября мы вообще считали днем, когда дивизия утвердила свои традиции. Кроме этих двадцати восьми, был подвиг семнадцати саперов, подвиг одиннадцати...» [Там же].

Таким образом, мы можем заключить, что расследование обстоятельств боя у Дубосеково в августе 1942 г. было проведено крайне небрежно, вследствие чего сделанные на его основании выводы заслуженно должны быть подвергнуты сомнению и не могут использоваться в качестве аргумента против реальности подвига 28 панфиловцев.

Более того, тот факт, что среди подследственных упоминался находившийся на тот момент в немецком плену И.Д. Шадрин, позволяет предположить, что в 1947–1948 гг. органы прокуратуры могли сфабриковать обвинение, идя на поводу у спецслужб, инспирировавших после завершения Великой Отечественной войны серию процессов против руководства армии и флота. В пользу последнего говорит и то, что «изобличение» подвига 28 панфиловцев могла ударить по авторитету инициаторов присвоения им звания Героев Советского Союза – командования Западного фронта, возглавляемого на тот момент Г.К. Жуковым [15, д. 4041, т. III, л. 315; 7, с. 16]. Принципиальную возможность подобного подтверждает тот факт, что в период репрессий 1930-х гг. и даже после принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № П 4387 от 17 ноября 1939 г. прокуратура фактически находилась под контролем органов НКВД [18, л. 1, 2].

Далее Н.П. Афанасьев приводит свидетельства местных жителей о бое 16 ноября 1941 г. Как следует из их показаний, на территории Нелидовского сельсовета, в пределах которого располагался разъезд Дубосеково, было обнаружено всего 6 трупов советских солдат. Казалось бы, это должно свидетельствовать в пользу того, что масштабного боя, в ходе которого обороняющиеся стояли бы до конца, у разъезда не происходило. Однако те же свидетели показали, что по причине боев и вследствие больших снежных заносов вплоть до февраля 1942 г. они не вели поисков тел погибших. Показательно и то, что сначала было обнаружено всего 3 трупа. Еще 3 тела были обнаружены солдатами в марте 1942 г., когда снега начали таять. В подобных условиях исчезновение тел с поля боя вполне объяснимо. Наглядным подтверждением данной гипотезы является и практика поисковых отрядов, ведущих многолетние поиски тел погибших даже в операциях, по итогам которых поле боя оставалось за советской стороной [15, д. 4041, т. III, л. 315, 316].

Вслед за этим Главный военный прокурор СССР заключает: «Таким образом, следует считать установленным, что впервые сообщения о подвиге 28 героев-панфиловцев появились в газете "Красная звезда" в ноябре 1941 г., и авторами этих сообщений были фронтовой корреспондент Коротеев и литературный секретарь газеты Кривицкий» [Там же]. Однако выше уже было доказано, что данное утверждение не соответствует фактам.

Затем Н.П. Афанасьев рассматривает показания основных свидетелей следствия – корреспондента «Красной звезды» В.И. Коротеева, ее литературного секретаря А.Ю. Кривицкого и главного редактора Д.И. Оргенберга, а также командира 1075-го полка И.В. Капрора. При этом в сообщаемых ими сведениях имеются противоречия, которые следствия никак не объясняет. В частности, В. Коротеев утверждал, что из 1075-го полка поступило политдонесение, описывающие бой у разъезда Дубосеково. В то же время И.В. Капров пояснял, что никакого политдонесения не писал. Также А.Ю. Кривицким было заявлено, что он обсуждал события боя с командиром полка, однако последний это отрицал. Кроме того, Александр Юрьевич указал, что И.В. Капров лично поручил командиру 4-й роты и комиссару полка составить списки участников боя, в то время как командир 1075-го полка заявлял, что его о фамилиях погибших никто не спрашивал, и перелagal ответственность за перечень 28 панфиловцев на капитана П.М. Гундиловича [15, д. 4041, т. III, л. 316 – 320].

Интересно отметить и следующие моменты в показаниях И.В. Капрора. Бывший командир 1075-го полка заявлял: «...никакого боя 28 панфиловцев с немецкими танками у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г. не было - это сплошной вымысел. В этот день у разъезда Дубосеково в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась 4-я рота, и действительно дралась героически. Из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали в газетах. ... только в апреле 1942 года из штаба дивизии прислали уже готовые наградные листы и общий список 28 гвардейцев ко мне в полк для подписи. Кто был инициатором составления списка и наградных листов на 28 гвардейцев – я не знаю» [15, д. 4041, т. III, л. 319, 320].

При этом имеется стенограмма беседы с гвардии майором П.Р. Семикопенко, политруком штабной роты 762-го батальона связи, впоследствии – помощника командира данного подразделения. Согласно информации из данного источника, И.В. Капров, казалось бы, столь негативно настроенный по

отношению к статье А.Ю. Кривицкого, приложил ее текст к письму, отправленному в январе 1942 г. вдове В.Г. Ключкова [11, с. 16]. Нельзя проигнорировать и то, что командир 1075-го полка не заявил о фальсификации (если она имела место) ранее, во время расследования в августе 1942 г. Вероятно, в 1948 г. И.В. Капров давал показания, сознательно искажая факты, рассчитывая переложить ответственность за возникшую ситуацию на погибшего к тому моменту П.М. Гундиловича и журналистов «Красной звезды».

Вызывает вопрос и другой эпизод в показаниях И.В. Капрора. Если командир полка изначально отрицал факт подвига 28 панфиловцев и не имел отношения к созданию соответствующего мифа, то логично было бы предположить, что имел стговор между представителями «Красной звезды» и политическими командирами 316-й дивизии, которые могли бы вынудить И.В. Капрора, по крайней мере, не мешать работе первых. Соответственно, представители следствия должны были допросить упомянутых в справке-докладе комиссара 316-й дивизии С.А. Егорова и «представителя политотдела дивизии Глушко». Однако ничего подобного сделано не было.

Важно упомянуть также то, что, имея на руках противоречия в показаниях свидетелей, следствие проигнорировало существование еще двух непосредственных участников событий – И.Р. Васильева и Г.М. Шемякина, а также все материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны [11, с. 16].

На фоне значительных пробелов в информации, собранной следствием по истории боя 16 ноября 1941 г., фактических ошибок, игнорирования целого комплекса источников, включая показания ряда потенциальных свидетелей, ярко выраженных противоречий в показаниях свидетелей становится очевидным, что вывод Н.П. Афанасьева о том, что «подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, освещенный в печати, является вымыслом корреспондента Коротеева, редактора "Красной звезды" Ортенберга и в особенности литературного секретаря газеты Кривицкого» является необоснованным.

Изложенные выше факты также позволяют предположить, что проходившее в 1947–1948 гг. следствие либо проявило высшую степень профессиональной некомпетентности, либо его представители занимались фабрикацией дела, собирая компромат на представителей руководства советских Вооруженных Сил.

В пользу первой гипотезы дополнительно свидетельствует отсылка Г.А. Куманева к содержанию его личных бесед с Г.К. Жуковым. Согласно данному источнику, А.А. Жданов после получения справки-доклада посчитал, что материалы расследования подготовлены слишком топорно, поэтому дальнейшего развития дело не получило [8, с. 151].

Принципиально также обратить внимание на то, что в дальнейшем позиция прокуратуры в отношении дела 28 панфиловцев претерпела кардинальные изменения. Представители правоохранительных органов заняли следующую позицию: первое и последующие сообщения в печати о бое у разъезда Дубосеково содержат в себе множество неточностей и прямого вымысла, вследствие чего «наряду с действительными героями были названы случайные фамилии» (к числу последних был отнесен И.Е. Добробабин) [15, д. 4045, т. VII, л. 205].

Заключение. Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу, что введенные на настоящий момент в научный оборот архивные документы, имеющие отношение к событиям 16-го ноября на участке обороны 316-й дивизии, отличает высокая лакунарность, а степень объективности и достоверности содержащихся в них сведений может быть поставлена под сомнение. Часть документов была потеряна или утрачена, в том числе – безвозвратно, или же размещена в единицах хранения, тематически не связанных напрямую с ходом боевых действий в Волоколамском районе осенью 1941 г. Очевидной становится необходимость более тщательных изысканий в фондах ЦАМО, а также поиска иных источников по проблеме, в том числе – с целью проведения перекрестной проверки с материалами, отложившимися в архиве военного ведомства.

На фоне этого категоричность суждения об отсутствии в архивах Минобороны сведений, подтверждающих подвиг 28 панфиловцев, может быть поставлена под вопрос. Также можно заключить, что сведения и в особенности выводы, содержащиеся в справке-докладе «О 28 панфиловцах» и составленном на ее основе сопроводительном письме на имя А.А. Жданова, отличает крайне низкая степень объективности и достоверности, вследствие чего делать какие-либо выводы относительно реальности подвига 28 панфиловцев исключительно на их основе представляется невозможным.

Примечания:

1. Никифоров Ю.А. Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы / Ю. А. Никифоров // Вестник МГИМО (Университета). 2009. № 6. С. 80–88.
2. Никифоров Ю. А. О современных приемах искажения прошлого (на примерах из российской истории 1900-1930-х годов) / Ю. А. Никифоров // Преподавание истории в школе. 2010. № 9. С. 4–11.
3. Белов С.И. Промышленное развитие России в годы Первой мировой войны в современной англоязычной историографии / С. И. Белов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Часть 1. С. 13–17.
4. Белов С.И. Антикризисное управление текстильной промышленностью в губерниях Верхней Волги в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 гг.) / С. И. Белов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (17). Часть 1. С. 37–40.
5. Катусев А.Ф. Чужая слава / А.Ф. Катусев // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 71–75.

6. Петров Н., Эдельман О. Новое о советских героях / Н. Петров, О. Эдельман // Новый мир. 1997. № 6. С. 145–148.
7. Соколов Б. Между наукой и политикой: цена победы и мифы Великой Отечественной / Б. Соколов // Свободная мысль. 2005. № 5. С. 37–50.
8. Куманев Г.А. Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Русское слова, 2007. 344 с.
9. Язов Д.Т. Панфиловцы в боях за Родину. М.: Красная Звезда, 2011. 224 с.
10. Дроздов К. Героев было не двадцать восемь: наше исследование / К. Дроздов // Родина. 2012. № 5. С. 6–11.
11. Дроздов К. Героев было не только двадцать восемь. Окончание / К. Дроздов // Родина. 2012. № 7. С. 8–16.
12. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 217. Оп. 1221.
13. ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158.
14. ЦАМО.Ф. 208. Оп. 2511.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р. 8131. Оп. 37.
16. Иванов Г. 8-я гвардейская дивизия в боях / Г. Иванов // Известия. 1941. 19 ноября. № 273 (7649). С. 2.
17. Завещание 28 павших героев // Красная Звезда. 1941. 28 ноября. № 280 (5035). С. 1.
18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 77. Оп. 3 с. Д. 121. Л. 1, 2.

References:

1. Nikiforov Yu.A. Fal'sifikatsiya istorii Vtoroi mirovoi voyny: k postanovke problemy / Yu. A. Nikiforov // Vestnik MGIMO (Universiteta). 2009. № 6. S. 80–88.
2. Nikiforov Yu. A. O sovremennykh priemakh iskazheniya proshlogo (na primerakh iz rossiiskoi istorii 1900-1930-kh godov) / Yu. A. Nikiforov // Prepodavanie istorii v shkole. 2010. № 9. S. 4–11.
3. Belov S.I. Promyshlennoe razvitie Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny v sovremennoi angloyazychnoi istoriografii / S. I. Belov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 7 (13). Chast' 1. S. 13–17.
4. Belov S.I. Antikrizisnoe upravlenie tekstil'noi promyshlennost'yu v guberniyakh Verkhnei Volgi v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–fevral' 1917 gg.) / S. I. Belov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 3 (17). Chast' 1. S. 37–40.
5. Katusev A.F. Chuzhaya slava / A.F. Katuseev // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1990. № 9. S. 71–75.
6. Petrov N., Edel'man O. Novoe o sovetskikh geroyakh / N. Petrov, O. Edel'man // Novyi mir. 1997. № 6. S. 145–148.
7. Sokolov B. Mezhdru naukoj i politikoi: tsena pobedy i mify Velikoi Otechestvennoj / B. Sokolov // Svobodnaya mysl'. 2005. № 5. S. 37–50.
8. Kumanev G.A. Podvig i podlog. Stranitsy Velikoi Otechestvennoj voyny 1941–1945 gg. M.: Russkoe slova, 2007. 344 s.
9. Yazov D.T. Panfilovtsy v boyakh za Rodinu. M.: Krasnaya Zvezda, 2011. 224 s.
10. Drozdov K. Geroev bylo ne dvadtsat' vosem': nashe issledovanie / K. Drozdov // Rodina. 2012. № 5. S. 6–11.
11. Drozdov K. Geroev bylo ne tol'ko dvadtsat' vosem'. Okonchanie / K. Drozdov // Rodina. 2012. № 7. S. 8–16.
12. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony (dalee – TsAMO). F. 217. Op. 1221.
13. TsAMO. F. 450. Op. 11158.
14. TsAMO.F. 208. Op. 2511.
15. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. R. 8131. Op. 37.
16. Ivanov G. 8-ya gvardeiskaya diviziya v boyakh / G. Ivanov // Izvestiya. 1941. 19 noyabrya. № 273 (7649). S. 2.
17. Zaveshchanie 28 pavshikh geroev // Krasnaya Zvezda. 1941. 28 noyabrya. № 280 (5035). S. 1.
18. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 77. Op. 3 s. D. 121. L. 1, 2.

UDC 94

Проблемные аспекты изучения темы боя 28 панфиловцев

Сергей Игоревич Белов

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, Россия
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, дом 16-18
Кандидат исторических наук, старший преподаватель
E-mail: belov2006s@yandex.ru.

Аннотация. Целью статьи является изучение проблемных аспектов исследований по теме боя 28 панфиловцев. Рассмотрены основные дискуссионные моменты в исследовании вопроса, выявлено и проверено обоснование различных точек зрения на выявленные проблемы. Исследуется вопрос о репрезентативности известных исследователям архивных документов. Дана оценка степени объективности и достоверности материалов расследования 1948 г.

Ключевые слова: 28 панфиловцев; расследование 1948 г.; главная военная прокуратура; источники; объективность; достоверность.